

УДК 94(47)08

С. Н. Третьякова

Северодвинск, Россия

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ ДОИНДУСТРИАЛЬНОГО РУССКОГО ГОРОДА (взгляд со стороны)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дореволюционная Россия, образ России, провинция, городское общество, городская культура

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается образ русского доиндустриального города. Источником послужили сочинения западных путешественников XIX в. Иностранные авторы единодушны в выделении характерных черт русского провинциального города, его непохожести на западный город.

S. N. Tretyakova

Severodvinsk, Russia

SOCIO-CULTURAL IMAGE OF PRE-INDUSTRIAL RUSSIAN TOWN (outside view)

KEY WORDS: pre-revolutionary Russia, image of Russia, province, urban society, urban culture.

ABSTRACT: Article deals with the image of XIXth century Russian provincial town. It is based on narrations by foreign travelers. Western observers pointed out characteristic features of Russian urban provincial life and distinctions from western town.

Развитие России определяется не только уровнем столичной культуры, но во многом зависит и от состояния провинции. Поэтому вполне объясним растущий интерес исследователей к разным аспектам провинциальной жизни в прошлом и настоящем, к истории провинциальной (в том числе и городской) культуры, к процессам и механизмам взаимодействия столицы и провинции.

В данном исследовании были использованы сочинения ряда иностранных путешественников и писателей, побывавших в России в XIX в. Признаем определенную ограниченность восприятия города как цельного культурного пространства иностранными посетителями, но одновременно это и «свежий» взгляд извне, подмечающий необычное для них, бросающееся в глаза. Поэтому наблюдения иностранцев, несмотря на свойственные им недостатки позволяют создать образ русского провинциального города, выделить его характерные черты. Особенно интересны замечания тех наблюдателей, кото-

рые провели в России значительное время. Естественно, что самыми посещаемыми городами были Москва и Петербург, но иностранцам была интересна и провинция. Более содержательное описание относится к губернским городам, уездные и заштатные города не удостоивались серьезного внимания. Российскую глубинку они наблюдали, как правило, проездом.

Ф. Палмер, автор книги «Русская жизнь в городе и деревне», обращает внимание своих читателей на то, что очень немногие в Англии понимают, что есть две России, и что различие между ними такое же, как между Англией современной и Англией три века назад. Есть Россия, сформировавшаяся под влиянием реформ Петра I, и мало отличающаяся от Западной Европы, и есть настоящая Россия, которую можно найти в маленьких городках и деревнях, куда еще не дошли железные дороги [7. С. 2–3].

Первое, что бросалось в глаза иностранным путешественникам в России, это огромные пространства и малое число го-

родов. По мнению французской писательницы мадам де Сталь, посетившей Россию в 1812 г., в России есть только два больших города – Петербург и Москва, другие едва заслуживают этого названия, кроме того, они находятся друг от друга на большом расстоянии. Жители разбросаны по всему пространству государства, поэтому обе столицы еще не в состоянии влиять на остальное население империи и «сообщать провинциям приобретенные ими знания по литературе и по искусствам» [2. С. 57]. Сходное впечатление сложилось и у англичанина Р. Гаррисона, который по дороге от Петербурга до Москвы, длиной примерно 500 миль, насчитал всего пять городов. Автор предлагает сравнить это с Европой и подумать над тем, что царь плохо использует время для развития ресурсов своей страны и что он имеет больше, чем может управлять достойно [5. С. 51].

Британец Д. М. Уоллес провел в России шесть лет. Его труд «Россия» (1877) считается классическим сочинением западноевропейского россиеведения. Опираясь на данные статистики, Уоллес отмечает, что в сравнении с Западной Европой городской элемент в России относительно мал и составляет всего десятую часть населения, в то время как в Великобритании более половины жителей обитают в городах [8. С. 167]. Объяснения надо искать, как уверен автор, в особенностях исторического развития и в современных условиях Российской империи. Главную причину он видит в малой плотности населения. Люди, имеющие такое изобилие земли и способные поддерживать себя за счет сельского хозяйства, конечно же, делают вывод автор, не будут заниматься промышленностью и «скупиваться в городах». Второе, что сдерживало развитие городов, это крепостное право и административная система, которые ограничивали свободное движение населения [8. С. 167-168].

«Городское строительство», принятое Петром I и Екатериной II, Уоллес оценивает как мало результативное. Было легко создать любое количество городов в

официальном значении этого термина. Чтобы трансформировать деревню в город, достаточно было просто переделать одну избу в районный суд, другую – в полицейский участок, третью – в тюрьму. В назначенный день приезжал из губернской столицы правительственный чиновник, собирал служащих, заказывал священнику службу, подписывали формальный акт, и объявлял город «открытым». Но не так легко было создать дух коммерческого и индустриального предпринимательства. На Западе муниципальные институты создавались веками, в России же эти заимствованные учреждения не имели корней в традициях и привычках людей. Жители городов были просто организованы в группы для сбора налогов, и налоги были увеличены. Вся система по отношению к людям была деспотичной, подчеркивает автор, и не было движущей силы кроме воли императора. Если бы бюргерам дали право решать городские дела самостоятельно, то система моментально бы развалилась. На Западе монархи боролись с муниципальными учреждениями, чтобы не дать им слишком большой власти. В России, наоборот, шла борьба, чтобы не дать им умереть [8. С. 171-172].

При этом Уоллесу приходится оговариваться, что он использует понятие «город» в народном, а не в официальном смысле, так как на «официальном языке город означает совокупность домов и наличие определенных органов управления, поэтому этот термин иногда применяется к незначительным поселениям» [8. С. 167]. Об условности в использовании слов «деревня» и «город» предупреждает читателей и Палмер. Его удивляло, что в России есть деревни с населением в 20-25 тыс. душ (где есть артели и промышленность), в то время как большинство провинциальных городов являются таковыми только по названию, и имеют всего несколько сот жителей [7. С. 128]. По мнению Уоллеса, население города должно составлять не менее 10 тыс. жителей.

Второе, в чем были единодушны иностранцы, касалось внешнего вида рус-

ских городов. Гаррисон, прожив в России девять лет и побывав во многих местах, дает обобщенное описание такого города. Улицы в городах длинные, широкие и плохо мощенные, но всегда прямые. Дома редко выше 2-3 этажей. Он выделяет три вида городских домов: дома на главной улице из камня, точнее из кирпичей, отштукатуренные и покрашенные «отвратительным желтым цветом»; повсюду разбросаны мрачные серые старые деревянные дома; третьи строения сочетают в себе уродливые черты первых двух, их фундамент состоит из плохих кирпичей, а верхняя часть из дерева, покрашенного желтым цветом. Тротуары «сделаны из досок, прикрепленных к шпалам, примерно футом высотой, чтобы прохожие могли избежать снега или грязи на дороге». Расшатанное состояние этих тротуаров, продолжает автор, является характерной чертой русского провинциального города. Черный орел, помещенный над дверьми некоторых зданий на главной улице, указывает на общественные заведения, где ведутся дела уезда или губернии. Более позорные изображения того же символа самодержавной власти видны над темными и грязными питейными заведениями, где шатающийся мужик умножает доходы царя-монополиста. Вывески различной степени яркости разбросаны по всему городу, самыми притягательными являются «Харчевня» и «Ресторан». набросок провинциального города дополняют церкви, все построенные в форме греческого креста [5. С. 52-54]. Кстати, Гаррисон застал время, когда в городах еще были караульные будки.

Это описание относится к середине XIX в., но и более поздние характеристики мало отличаются от вышеприведенной. Все авторы отмечали, что во внешнем виде провинциальных русских городов есть странное единообразие, и описание одного провинциального города подойдет для другого. Непривычно для взора иностранцев было изобилие деревянных домов и тротуаров. Наиболее примечательными сооружениями были административные здания, церкви и монастыри, гимназии.

Среди других городских построек упоминаются также торговые ряды, тюрьма, казарма, пожарная вышка, почта, аптека.

Иностранцы удивлялись множеству церквей, так британский журналист У. Диксон отмечал, что русские города «богаты» церквями и монастырями. В городе могло не быть уличного освещения, мостовых, парикмахерской и театра (обязательных по западным меркам), но непременно – несколько соборов! В Ярославле, по наблюдению американки И. Хэпгуд, есть улицы, состоящие почти только из одних церквей – «церквей всех размеров и цветов, увенчанных красивыми и причудливыми куполами, на которых возвышаются кресты самого примечательного и оригинального дизайна». Она уверена, что древний Ярославль является настоящим кладом информации и источником наслаждения для того, кто действительно хочет изучить и понять русскую архитектуру [4. С. 353-354]. Подобных свидетельств и о других городах можно привести множество.

Однако внешний вид русских соборов, как правило, не производил впечатления на иностранцев, казался им странным и непривычным. Дополнялся религиозный облик города поведением жителей, непременно крестящихся или молящихся перед религиозными объектами, и не только. Гаррисон приводит пример, как в Симбирске перед памятником историку Н.М. Карамзину, который венчала большая бронзовая фигура музы истории, невежественные крестьяне крестились, принимая его за святого [5. С. 93]. Подобное же можно было наблюдать и в Архангельске перед памятником М.В. Ломоносову, который изображен в античном облике.

Французский писатель Т. Готье, дважды путешествовавший по России в середине XIX в., поразительно одинаковый вид маленьких русских городов объясняет тем, что «они устроены по определенным законам и, так сказать, по фатальной необходимости, против которых индивидуальная фантазия даже и не пытается бороться. Отсутствие или недостаток строительного

камня объясняют преобладание здесь построек из дерева или кирпича, а архитектурные линии строений из этих материалов не могут дать желанной художнику четкости. Что касается церквей, православный культ привносит свои священные каноны в архитектурные формы, которые не обладают большим разнообразием стилей, как наши западные церкви» [1. С. 387]. Здесь, впрочем, надо заметить, что сходные «обвинения» в похорождении можно услышать и в отношении американских, восточных и тех же западноевропейских городов, особенно небольших.

И. Хэпгуд не раз испытывала некоторое разочарование оттого, что ее ожидания и реальность не совпадали. Даже Казань, где она предвкушала увидеть «могущественную столицу Татарского ханства», оказалась просто процветающим и оживленным провинциальным русским городом – базар под аркадами, народный рынок на открытой площади, публичный сад, магазины – все повторяло сходные черты других городов, «местным колоритом» отличался только татарский квартал [4. С. 236]. А вот Самара удивила ее множеством красных кирпичных домов, в то время как большинство старых русских городов «наслаждаются штукатуркой белого, синего и желтого цветов». Своей новой архитектурой, простотой и экономичностью эти строения напомнили ей быстрорастущие американские поселения. Хотя город и был основан в конце XVI в. для защиты от набегов кочевников, за последние полвека несколько больших пожаров «расчистили» путь для нового строительства, поясняет Хэпгуд, а торговое значение города вызвало быстрый рост населения до 80 тыс. [4. С. 291-292].

Характерным для русских городов Уоллес считал их сельский облик. Он заметил, что издали многие русские города выглядят, как правило, очень живописно, но прогулка по улицам неизбежно рассеет эту иллюзию. Широкие и плохо мощеные улицы. Дома, в основном одноэтажные, отделены друг от друга двориками. Впечатление такое, что большинство бюргеров

приехали из сельской местности и привезли свои дома с собой. На больших площадях можно увидеть мирно пасущихся коров и лошадей, что не вызывает ни у кого из местных жителей ощущения неуместности [8. С. 165-166]. Причем это относилось не только к маленьким заштатным городам, но и к губернским.

В Самаре, недавно ставшей губернским городом, Уоллес поразило состояние улиц. После дождя стоит непроходимая грязь, а в сухую ветреную погоду – густые облака слепящей удушающей пыли, когда не видно противоположной стороны улицы (настоящая песчаная буря). Среди всего этого возвышалась огромная новая церковь. По его мнению, деньги могли быть использованы более целесообразно, но у русских свои представления на этот счет. Они чрезвычайно религиозны и собирают деньги на подобные нужды добровольно. Кроме того, правительство считает, что каждый губернский город должен иметь кафедральный собор [8. С. 292]. Незавершенностью своего внешнего вида Самара напомнила ему, как и Хэпгуд, новые города Америки.

Это описание, уточняет Уоллес, не относится к Петербургу и Одессе, которые имеют отчетливый иностранный характер. Подлинные русские города, в том числе и Москва, имеют полудеревенский дух, по крайней мере внешне они похожи на отдаленные пригороды крупного города, которые все еще свободны от юрисдикции муниципальных властей [8. С. 166]. Дополнялось это «деревенское» ощущение почти полным отсутствием «благ цивилизации». Улицы по ночам почти не освещаются, поэтому предусмотрительные горожане, возвращаясь поздно домой, вооружаются фонарями. Палмер обращает внимание на отсутствие канализации, поэтому в маленьких городах, стоки идут прямо в почву под городом. А так как воду берут из неглубоких городских колодцев, то распространены заболевания и высокий уровень смертности. Даже в столицах и крупных городах, где огромные суммы тратятся на величественные общественные здания, состояние

канализации и водоснабжения оставляют желать лучшего [7. С. 128].

Помимо описания внешнего облика русских городов, иностранных наблюдателей естественно интересовали и их обитатели. Практически все отмечали недостаточность собственно городского населения по сравнению с западными городами. При этом у авторов возникала определенная терминологическая проблема, чтобы найти русское соответствие слову «бюргер». Чаще всего бюргеров соотносили с мещанством. Так Палмер предупреждает, что он использует слова «бюргер» и «ремесленник», понятные для западного читателя, но в российской действительности они не совсем совпадают с реальностью (как «город» и «деревня») [7. С. 127].

Уоллес подразделяет городское население на три группы, отделив аристократию, духовенство и низших чиновников. Это торговцы (купцы), бюргеры (мещане) и ремесленники (цеховые). Эти группы не являются наследственными кастами (как аристократия, духовенство и крестьяне), но каждая образует отдельную корпорацию, имеет свою организацию, обязанности и права. Неопределенный вид состоит из тех, кто числится постоянным жителем города, но не входит в гильдию или цех. Они являются бюргерством в узком смысле этого слова. У них есть своя отдельная корпорация [8. С. 173-174]. Связующим звеном между этими тремя категориями является городская дума, центральный и высший орган муниципальной администрации.

Палмера также отмечает сохранение черт старой муниципальной системы, когда купцы были объединены в ассоциации (гильдии) и прикреплены к тому городу, где живут (паспортная система). Муниципальная же власть, несмотря на выборы, почти номинальная. Время от времени местные администрации впадают в состояние паники, когда становится известно, что губернатор отправляется в поездку по губернии. Так как управление находится полностью в руках местной бюрократии, то для каждого чиновника дело пер-

вейшей важности показать, что его департамент или район процветают. От губернатора зависит будущая карьера каждого чиновника [7. С. 121-122].

Еще один аспект, на который обратили внимание иностранные авторы, это значительное число нерусского элемента среди горожан. Так Палмер приводит цифру, что треть всего городского населения в Российской империи составляют иностранцы, правда сюда он включает и евреев, проживающих в своей черте. Важность этого нерусского элемента определяется тем, что все они занимают высшие позиции торговцев, предпринимателей, служащих, квалифицированных ремесленников, в то время как неквалифицированными рабочими являются русские. Но жизнь иностранцев имеет мало общего с национальной русской жизнью. [7. С. 138-139].

Более категорично на эту тему высказался Диксон, посвятив целую главу своей книги рассуждению о том, что в России существует деление на две нации, высшую и низшую, первая представлена иностранцами, а вторая, естественно, русскими. Это деление особенно четко прослеживается в городах. Торговля, искусство, наука и власть в России законом были «вложены в руку иноземца». Император Петр I считал иностранца образцом «порядка, спокойствия и прогресса», в то время как русский это пример «беспорядка, расточительства и застоя». Поэтому Петр закрепил за иностранцами некоторые искусства и ремесла. Так русский не мог быть аптекарем, чтобы «не отравить своего соседа», или трубочистом, чтобы «не устроить пожар». И хотя подобные законы были отменены, но на практике продолжают действовать. Эти две нации, как уверяет Диксон, не имеют ничего общего ни в крови, ни в языке, ни в религии. Они различаются как Запад и Восток. Если заболевает ребенок у немца, то он зовет врача. Если заболел ребенок у русского, то он молится [3. С. 286-288].

Русское купечество всегда привлекало внимание иностранных путешественников своей необычностью, живописно-

стью внешнего облика. Авторы описывают сначала традиционный образ (не так давно купцы «носили бороды, кафтаны и обувь, сделанную из коры»), но отмечают, что положение меняется. Многие из купцов теперь мало отличаются своим внешним видом от европейских торговцев, но этот класс остается самым консервативным, особенно в домашней жизни. Кстати, нередко для полноты описания авторы ссылаются на пьесы Н.А. Островского.

А вот американец К. Гилд поразился отсутствию молодых женщин на улицах. Обратил на это внимание и Готье. В Нижнем Новгороде, наблюдая сценки у городского фонтана, из которого жители набирали воду, он не увидел ни одной женщины. «Вокруг немецкого фонтана собралась бы целая коллекция Грэтхен, Наннерлей и Кетерлэ, которые были бы в курсе всех событий в городе. В России женщины даже из самого низкого сословия выходят мало, а мужчины берут на себя большую часть домашних забот» [1. С. 383]. Гилд предположил, что это влияние восточной традиции, поэтому молодым девушкам запрещено показываться на глаза публике [6. С. 229]. Диксон также это обстоятельство связывает с татарским игом, когда каждый большой дом имел женское помещение, куда незнакомцев не допускали. Правда для этого названия он использует слово «гарем», а не «терем». Он добавляет, что до сих пор это встречается в русской семейной жизни, особенно в провинциальных городах [3. С.255-256].

Удивляла иностранцев и организация торговли. Очень мало магазинов с витринами для привлечения прохожих. Чтобы совершить покупку надо идти в Гостиный Двор, или Базар, который состоит «из длинных симметричных рядов тускло освещенных магазинов с низкими крышами с колоннадой впереди». По мнению Уоллеса, это место ничуть не похоже на ту суматоху и активность, с которой принято ассоциировать коммерческую жизнь. В других местах города атмосфера одиночества и безжизненности еще более заметна [8. С. 166]. Палмер также замеча-

ет, что магазины маленькие и темные, отсутствие витрин компенсируется огромными разрисованными вывескам, которые не отличаются художественными достоинствами, но играют важную роль. Так как большинство населения неграмотно, то изображение пары ботинок, одежды, часов и т.п. подскажет, что где находится. За исключением важных губернских городов, бесполезно искать книжные магазины [7. С. 129-130].

Самым оживленным местом в городе был рынок. На нем «пахнет маслом и солью, уксусом и фруктами, отходами палтуса, трески и кильки». Главные предметы торговли – хлеб, рыба, посуда и деревянная утварь, железные иголки, корзины и другие плетеные изделия, иконы. Наряду с ржаным хлебом и соленой рыбой, как отмечает Диксон, самыми покупаемыми и продаваемыми товарами являются святые предметы и карты, так как в России все молятся и все играют: аристократ в клубе, коммерсант в магазине, лодочник на барже, пилигрим у придорожного креста. Кроме того, в подобных городах много питейных заведений и пьяных [3. С. 219].

Провинция тоже была разной. Уоллес поясняет, что Киев, Казань и некоторые другие города, расположенные на большом расстоянии от столицы, являются маленькими полунезависимыми центрами цивилизации. В этих городах есть театр, библиотека, два-три клуба и много больших домов, принадлежащих богатым землевладельцам, которые проводят лето в имениях и приезжают в город на зимние месяцы. Поэтому зимой обеды, балы и другие общественные собрания не являются редкостью. Но, например, в Новгороде (губернский город с населением 18 тыс.) ситуация другая. Несколько богатых землевладельцев, живущих в имениях, предпочитают С.-Петербург для зимней резиденции. Поэтому городское общество состоит исключительно из чиновников и расквартированных здесь офицеров.

Уоллес на примере Новгорода рисует картину праздной провинциальной жизни высшего слоя – злословие, сплетни,

скандалы, которые помогают людям «убивать время». Общество таких городов обычно включало много людей среднего уровня образования и соответствующих манер, но оно не было ни ярким, ни интересным. В отсутствии серьезных интересов, естественно, что все внимание посвящено частной жизни, ссоры и сплетни «убивали» время бездеятельных людей. Днем джентльмены заняты на службе, дамы – покупками, визитами, домашними заботами, детьми. Вечером неизбежно начинается игра в карты. Часами мужчины и женщины сидят в жаркой комнате в табачном дыму и молча играют в преферанс или подобное. Ответ на вопрос, почему столько времени люди тратят на пустое занятие, писатель всегда получал один и тот же – «нам нечего делать, говорить больше не о чем, необходимо расслабиться после службы». Оживлялось городская жизнь во время традиционного губернского собрания, на которое съезжались землевладельцы, обычно живущие в поместьях или в столице. Оно продолжалось 2-3 недели, но с приближением Рождества депутаты разъезжались, и в городе вновь устанавливалась «великая тишина». В провинции процветают магазины для продажи гастрономических деликатесов, но редко встретишь магазин для «интеллектуальной пищи». Книг читают мало. Местные власти планируют создать в городе музей и библиотеку, но автор не уверен, что эти намерения будут выполнены. В России много грандиозных планов, но мало что из этого реализуется, часто это небольшое оказывается недолговечным [8. С. 189-193].

С развитием железнодорожного транспорта путешествовать по России стало проще и удобнее, но одно обстоятельство иностранных авторов очень удивляло. Взяв билет до определенного города, по прибытии путешественник мог обнаружить, что станция стоит посреди поля. Хэпгуд, привыкшая к тому, что в Америке «пути железных дорог и пароходов пролегают через самое сердце города», для которого они и предназначены, удивлялась, что в России пристани и станции нередко

находятся вне «зрения и слуха», иногда в нескольких милях от города [4. С. 291]. Причину этой странности Уоллес видел в стоимости муниципальной земли, поэтому железная дорога, не испытывая «здоровой конкуренции», пренебрегает удобством и комфортом населения [8. С. 2].

Иностранные путешественники отмечали определенные изменения, имевшие место в российской действительности, а также неоднородность российской провинции. Но в целом их впечатления и суждения относительно городской системы оказались очень сходными на протяжении целого столетия: недостаточное число городов, плохие дороги и гостиницы (а то и их отсутствие), низкий уровень благоустройства, странная архитектура и преобладание деревянных построек, аграрный облик. Многие были непривычны для иностранного взгляда, в том числе организация городского пространства, строительный материал и даже цвета зданий. Но особенно отличалась атмосфера городов – почти везде отмечают малолюдность и уныние, отсутствие единого городского сообщества (в национальном, социальном и, соответственно, культурном аспектах), влияние и неэффективность местной бюрократии. Русский провинциальный город не соответствовал их (западных путешественников) представлениям о том, каким город должен быть. Конечно, некоторые сведения, особенно о внутренней жизни, были довольно отрывочны, но и они позволяли авторам делать определенные выводы.

Но хотя иностранцы и считали, что все русские города похожи, но они невольно замечали и что-то особенное для каждого из них. Ярославль славен не только своей древней архитектурой, но и является родиной русского театра; Владимир – древний город, одна из столиц, где сохранились Золотые ворота; Архангельск – портовый город, северные ворота России; Нижний Новгород, конечно же, был известен своей ярмаркой (это третий город, который посещали практически все иностранные путешественники после Москвы

и Петербурга); Великий Новгород привлекал своей былой славой ганзейского города и республиканским прошлым (он гораздо старше Петербурга и даже Москвы, сохранил много исторических памятников, но сейчас является третьестепенным городом, «тенью своего былого величия»); Торжок славился кожаной обувью; Тверь была столицей древнего княжества; и т.п.

Перемещаясь из столицы в провинцию или наоборот, путешественники невольно сопоставляли их. Различия эти и внешние, и естественные, в образе жизни. В провинциальных городах дома не выше двух-трех этажей, тогда как в Петербурге – пятиэтажные. В столице могут позволить себе жить состоятельные люди, остальные вынуждены проживать в своих имениях или провинциальных городах. В Петербурге жизнь в полночь в самом разгаре, когда в других городах большинство обитателей уже давно спят. В провинциальных городах больше шансов пообщаться с людьми, «которые не говорят свободно на иностранных языках», и т.п. Авторы свидетельствуют о серьезном культурном разрыве между столицей и провинцией.

Определялись эти различия особенностями исторического развития России, огромными российскими расстояниями (причем речь шла только о европейской части) и тем, что провинциальные города были гораздо ближе к селу, чем к столице.

Фактически вся Россия – это огромная провинция, признавали путешественники. Города «подпитывались» сельским населением, особенно в зимний период времени, когда крестьяне не были загружены работой, а землевладельцы возвращались на «зимние» квартиры. Многие авторы второй половины XIX в. обратили внимание на «постоянный и все увеличивающийся поток сельского населения в городские и промышленные центры, но в отличие от Западной Европы, не порывающие полностью своих связей с деревней».

Уоллес в новом издании своего сочинения, которое вышло спустя почти 40 лет после первого, приводит новые статистические данные, согласно которым число официальных городов в России составляет 1321. Но три пятых из них имеют население менее 5 тыс. жителей, 104 – свыше 25 тыс., и только 19 – свыше 100 тыс. В целом городской элемент продолжает оставаться довольно незначительным, составляя 14% против 72% в Великобритании. Но он растет. Особенно быстро растут города, ставшие важными промышленными и коммерческими центрами [9. С. 183–184]. Все это свидетельствовало о развитии урбанистических процессов в России, а вот качественные характеристики городской жизни начала XX в. британский автор приводит прежние.

ЛИТЕРАТУРА

1. Готье Т. Путешествие в Россию – М.: Мысль, 1990. – 360 с.
2. 1812 год. Баронесса де Сталь в России // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. – Л.: Лениздат, 1991. С. 19–64.
3. Dixon W.H. Free Russia. – London: Hurst and Blackett, 1870. – X, 359 p.
4. Napgood I.F. Russian Rambles. – Boston, New York: Houghton, Mifflin and Co, 1896. – XI, 369 p.
5. Harrison R. Notes of a Nine Years' Residence in Russia, from 1844 to 1853. – London, 1855. – XI, 310 p.
6. Guild C. Britons and Muscovites, or Traits of Two Empires. – Boston: Lee and Shepard Publishers, 1888. – XII, 230 p.
7. Palmer F.H.E. Russian Life in Town and Country. – London: G. Newnes, 1901. – XI, 320 p.
8. Wallace D.M. Russia. – London: Cassel and Co., 1877. – XIII, 620 p.
9. Wallace D.M. Russia. Rev. and Enlarged Ed. – London: Cassel and Co., 1912. – X, 788 p.